

С.А. Попова

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ФОЛЬКЛОРЕ СЕВЕРНЫХ МАНСИ

Цикл человеческой жизни можно проследить от рождения человека и до его смерти. Можно проследить и наоборот, когда рождение ребенка рассматривается как возрождение другого, ранее умершего человека, отправленного в иной мир по установленному ритуалу, что в большей мере соответствует представлениям манси. У разных этносов существуют различные представления о числе биологических возрастов и о градациях жизненного цикла или возрастных степенях, но основными у всех являются: детство, юность, зрелость и старость.

Вопрос о половозрастной терминологии манси почти не рассматривался в научной литературе (из специальных публикаций см.: [Федорова 1999: 169–172]). Приводимые в нашей статье примеры собраны автором от информантов в экспедициях и командировках в местах компактного проживания северных манси. Часть из них опубликована автором [Попова 2000; 2003; 2006; 2008], единичные примеры встречаются в этнографических и литературных данных по северным манси. Половозрастная терминология широко используется в фольклорных текстах и до сих пор применяется в бытовой лексике в тех поселениях, где все еще основное население составляют манси. Читателю впервые представлен обобщенный материал по половозрастной терминологии северных манси в размере статьи, большая часть данных остается пока неопубликованной.

В традиции северных манси принято каждую новую фазу жизни человека обставлять переходными обрядами. Прежде всего эти обряды соотносятся с естественной линией развития индивида, переходным состоянием, связанным с взрослением, и приурочены к физическому созреванию человека. В таких обрядовых комплексах, как родильные, похоронные, свадебные и пубертатные (с признаками наступления полового созревания или, наоборот, с признаками завершения), отмечаются реальные события в жизненном цикле человека, констатируются и подчеркиваются свершившиеся факты.

Ситуация же изменения социального статуса, как правило, создается искусственно и не всегда приурочена к наступлению пубертатного периода у отдельного индивида. С изменением статуса человека всегда связаны возрастные инициации, которые также включены в широкий круг обрядов перехода, но их основная задача — посвящение.

В соответствии с возрастными изменениями и после исполнения положенных обрядов каждая возрастная группа получает свое название, соответствующее не возрасту по годам (у манси не принято вести счет возрасту и количеству всего живого), а биологическому возрасту и физическому состоянию индивида. Кроме того, каждое название половозрастной группы несет особую качественную нагрузку, наполненную сакральным смыслом.

Детство. *Няврамыт* — ‘дети’

С момента зачатия для ребенка наступает первая фаза в детском возрасте его жизненного цикла (внутриутробный период). Представления манси о природе внутриутробного плода отразились в описании беременной и роженицы как: «имеющей внутри шишку (кедровую)» [Источники по этнографии Западной Сибири 1987: 39]; *мунгахатнэ пора* — ‘время вынашивания яйца’, от слова *мунги* — ‘яйцо’; *осьхатнэ нэ* — ‘вынашивающая [богатство] женщина’; *мульхатнэ* — ‘родить (опростаться)’, букв. ‘добавить (прибавить)’ детеныша к уже имеющимся в сравнении с *мули* — ‘косяком или стаей животных’.

В целом традиционное представление манси о родах как способе вторжения сил хаоса (как и при любом другом переходном состоянии) в привычный уклад и упорядоченное пространство проявлялось в стремлении локализовать эти силы за пределами жилого дома. Будущая мать на время родов переселялась в *мань кол* — ‘маленький дом, избушка’ (традиционная мансийская постройка, предназначенная для пребывания рожениц, девушек и женщин в период регул). В период родов домик называют еще *мульхатнэ кол* ‘родильный дом’.

По религиозным воззрениям манси, ребенок-плод — это еще пока «представитель» иного мира. Связь с иным миром обнаруживается в его «невидимости и слепоте», он не видит, и его не видят, то есть взаимное общение с миром людей пока отсутствует. Еще один из признаков принадлежности его к другому миру — это обычай, связанный с изготовлением временной куклы. Как и в погребаль-

ном обряде, при изоляции покойного от мира живых родственниками изготавливается его заместитель-кукла — *иттырма*, так и на весь период пребывания плода в утробе матери ребенка замещает сборная, небольшая по размерам кукла — *сос* [Ромбандеева 1993: 91].

Мань — ‘маленький, младенец’

1. *Усь самынг натум няврам*, что буквально означает ‘только что глазастым [глазами видеть] ставший ребёнок’ или ‘только что на глаза попавший [увиденный глазами] ребенок’ — так иносказательно называют малыша сразу после рождения. Оба выражения соответствуют представлениям о ситуации рождения. Ребенок (плод), развиваясь в утробе матери, находился в темном закрытом пространстве, был изолирован, он не мог никого видеть, и его никто не видел. С появлением на свет ребенка меняется его состояние и начинается взаимное общение с окружающим миром [Попова 2003: 86]. Констатируется только состояние ребенка, а не факт его появления (рождения), который еще скрывается за табуированной лексикой и намеренным искажением всего, что окружает младенца.

2. *Ити хуйнэ сан няврам* — ‘в ночной берестяной коробочке спящий ребенок’.

В таком состоянии младенец находится до того времени, пока у него не отпадет пупок. С отпадением пупка обычай требует проведения ритуала захоронения искусственного заменителя пупка и обряда, определяющего переход ребенка в следующую фазу его жизни [Там же: 87]. Все, что связано с рождением ребенка, еще очень тщательно табуируется, но здесь впервые ритуально обставляется «объявление» о рождении ребенка как свершившемся факте. Выражается это в ритуальных действиях, связанных с удалением куклы-заменителя ребенка (кукла разбирается) и перекладыванием ребенка в следующую, тоже временную, колыбельку, которая иносказательно называется «ночная берестяная коробочка».

3. *Апат хуйнэ няврам* — ‘в колыбели спящий ребенок’.

Следующий переходный этап в жизни ребенка — это перевод его в жилой дом. Перевод сопровождается сложным многоступенчатым обрядом с соответствующей символикой и соблюдением признаков обрядов перехода (в данном случае — перевода) младенца в следующую фазу его жизни. Особо отмечается вынос младенца из родильного домика и обустройство пространства в доме, где будет находиться детская колыбель. Главный атрибут ребенка данного возраста — это постоянная колыбель *ана*; их две: *хотал ана* — ‘днев-

ная колыбель', *ити апа* — 'ночная колыбель'. Нахождение ребенка в постоянной колыбели определяет название возраста — *апат хуйнэ няврам* — 'в колыбели спящий ребенок', так иносказательно называется 'младенец' проживающий уже в жилом доме [Там же: 88].

По представлениям манси, ребенок в состоянии младенца считается духом, поскольку все еще является представителем иного мира и может выступать медиатором между миром предков и миром живых. Для приобщения младенца к миру людей в жилом доме проводится целый цикл ритуалов, главные из которых — узнать, душа какого умершего родственника переселилась (возродилась) в младенца и какой из духов-покровителей возьмет лично его под свою защиту.

Во многих мансийских сказках, где речь идет о растущем герое, обычно сначала оговаривается его возраст с самого рождения: «ребенок еще маленький — только что на глаза попавший [увиденный глазами] ребенок или в колыбели спящий [находящийся] ребенок» [Мифы, сказки, предания манси (вогулов) 2005: 322]. Также существует фольклорное выражение, в котором речь идет о новорожденном ребенке: *катын паттысыг* — 'в [родительские] руки попал', что в охотничьей терминологии означает 'добыть'. Пример: *...акв пыг туп катын паттысыг* — 'только одного сына на руках имеют' буквально переводится как 'только одного сына на руки уронили (добыли)' [Сказки оленьевода 2001: 20], *пыг катн паттысыг* — букв. 'сына на руки уронили' [Мифы, сказки, предания манси (вогулов) 2005: 310, 397].

4. *Кон-хайтыгтан янытыг няврам* — 'ребенок, [достигший] возраста бегать вне дома (на улице)', т.е. уже не младенец. Чаще всего в этом возрасте их называют по половому признаку: *пыг* — 'сын, мальчик, ребенок мужского пола' и *аги* — 'дочь, девочка, ребенок женского пола'.

Эта возрастная категория условно определяет границу между ребенком-духом и ребенком-человеком. К этому возрасту полностью оформляется тело ребенка. Он крепко стоит на ногах и самостоятельно выходит на улицу, где имеет возможность общаться не только с домашними, но и со всеми людьми поселения. Выход за порог дома (порог — сакральная граница между своим и чуждым мирами), т.е. освоения ребенка мира, обставляется переходным обрядом.

В фольклорных текстах этот детский возраст тоже обозначается (выделяется), например *яныгман няврвм ман хоса — кон-хайтытангкве патыс* — 'растущий ребенок — долго ли, на улице стал бегать' [Сказки оленьевода 2001: 58].

С этого момента ребенок становится полноправным членом человеческого сообщества. Тем не менее категория детей данного возраста является сакральной, имеющей отношение к предкам. К названиям *пыгрись*, *пыгрисякве* — ‘мальчик’, *агиришь*, *агиришькве* — ‘девочка’ применяются многозначные суффиксы субъективной оценки *-ришь* и *-кве*, что справедливо объясняет их «слабое, беспомощное состояние», а также «ласковое, сердечное, а иногда и жалостливое отношение к ним» [Ромбандеева 1973: 78]. В то же время суффикс *-ришь* в контексте отношения к предкам, иному миру может восходить к слову «некий». Например, можно сравнить: 1. *онаришь нам* — ‘некоего деда имя’ (сейчас говорят фамилия) от *она* — ‘дед’, *ришь* — ‘некий [предок]’ и *наме* — ‘имя’. 2. *матапришь* — ‘в земле [живущий] некто’, один из диалектных вариантов названия мыши, но в сакральном смысле — некий предок в образе мышонка [Чернецов 1935: 20, 31, 32]. Известно, что мышь — одна из ипостасей медведя, а образ медведя в культуре манси всегда соотносится с духом-предком.

5. *Маньлат* в значении ‘юный, молодой’.

Традиционно детей подросткового периода относят к разряду *маньлат*, что указывает на их переходный возраст, поскольку буквальный перевод данного выражения — ‘перешедшие за середину детского возраста’. Затем, по достижении возраста отрочества, мальчики и девочки переходят в последнюю фазу детского периода — *яныгнув няврам* или *ёмас янытыл* — ‘старшие из детей’, например в сказках этот возраст отражается как «*пыгрись ёмас янытыл олы* — ‘сын, уже довольно большой’» [Мифы, сказки, предания манси (вогулов) 2005: 328]. В этот период происходит окончательное включение ребенка в систему социальных связей. Мальчики отделяются от женского коллектива. Процесс приобщения к мужской хозяйственной деятельности предполагает выход за пределы освоенного пространства территории проживания, этот разрыв также ритуально обставляется. В сказках выход за пределы обжитой территории освещается очень широко, но основной момент — это когда герой просит бабушку или тетю изготовить ему лук и стрелы и уходит в лес стрелять птичек. Но изготовляют ему и лук, и стрелы не обычные, а миниатюрные из остатков от изготовления стружки, причем из сердцевины «трухлявого дерева» и определенной породы дерева (осина, ель, тальник), т.е. ритуальные [Попова 2003: 105]. Пример из сказки: «Из мягкой стружки сердцевины дерева лук сделали, из мягкой стружки сердцевины дерева стрелы сделали; в водной сторо-

не, в лесной стороне охотиться тот начал» [Мифы, сказки, предания манси (вогулов) 2005: 35].

Юность. *Агит-пыгыт* — ‘девушки—юноши’

С проявлением первых признаков половой зрелости мальчишки и девочки переводятся в возрастную группу юношей и девушек. Их по-прежнему могут называть *маньлат*, но уже в значении ‘младший’, т.е. младшие из юношей и девушек.

1. Аюмкитум — ‘слабые, неокрепшие, неважные’ — так называется младшая возрастная группа юношей и девушек. Если дать буквальный перевод выражения *аюмкитум*, то это будет выглядеть так: ‘[те, (юноша и девушка)] двое, еще пьющие (сосущие)’, что соответствует возрастному русскому термину «сосунки». В прошлом это выражение, очевидно, звучало иначе — *айтумтыттум* от глаголов *айтунгкве-тыттунгкве* — ‘поить-кормить’, т.е. те [младшие], кого еще необходимо поить-кормить. По сути же, оба выражения характеризуют данную возрастную группу, дается объяснение их физического состояния: слабые, неокрепшие, которые не в состоянии себя обеспечить, поэтому их еще должны поить и кормить взрослые члены коллектива, а их невысокий социальный статус — неважные, т.е. в общественной, производственной и духовной жизни коллектива их роль пока незначительна [Попова 2006: 129].

Аюмкитум аги — ‘слабая, неокрепшая, неважная девушка’ — так она зовется с появлением первых естественных признаков физического созревания (главный симптом — начало регул). С появлением регул девочку начинают готовить к посвящению в статус девушки, имеющей право выйти замуж. Переход из одного состояния в другое займет не один год, завершится он девичьими инициациями, и только после этого девушку начнут готовить к свадьбе. Представляется, что переход из одного состояния в другое определяет *уринэква* — ‘ворона’. По представлениям манси, вороны — это завязки *торсахи кеннинг* родильного платья-халата *Торум Сянь* ‘Богиня-мать’, которые она каждую весну отрывает и в образе ворон отправляет к людям с вестью о рождении детей [Попова 2000: 219]. Поверье же, что ворона приносит регулы, сложилось из-за цикличности ее пребывания и отсутствия на Севере. Образное выражение *уринэква нахваса-вес* — ‘ворона клюнула’ дает возможность девочке «вылупиться (из яйца)», оба выражения — «клюнуть и вылупиться» — происходят от одного глагола *нахвасангкве* [Попова 2008: 99]. Связь с птичьей и охотничьей символикой так или иначе постоянно присутствует

в женской возрастной терминологии, что говорит о древности этих представлений.

С началом первых регул девушка покидает жилой дом и некоторое время пребывает в отдельном женском *мань кол'е* 'маленьком домике'. В этот период ей предписан целый ряд ограничений: не заплетать волосы, а убирать их в пучок на затылке; носить простенькое платье и не надевать украшений; соблюдать ряд пищевых табу. Более строгие предписания накладываются на соблюдение личной гигиены. Девушка должна слушаться старших женщин, которые находятся вместе с ней, должна слушать и запоминать их рассказы о том, как она должна будет вести себя до и после замужества.

Аюмкитум пыг — 'слабый, неокрепший, неважный юноша'. В этом возрасте мальчиков впервые начинают обучать приемам охоты, постепенно вводить в религиозные таинства и приобщать к родовым святыням. Естественно, что у них есть свой круг обязанностей, но от их труда не зависит материальное благополучие коллектива.

2. Тохтыглым аги-пыгы — 'подросшие девушки-юноши' от лексем *тохтыглы* — 'подрasti' — это следующая возрастная группа девушек-юношей. Хотя название группы общее и для девушек, и для юношей, но смысловая нагрузка соответствует предназначенности для каждого пола отдельно.

Тохтыглым аги — 'подросшая девушка' от *тохтыглы* — 'подрasti' и *аги* — 'девушка'. Для того чтобы подчеркнуть состояние девушки этого возраста, ее еще называют *тох-тыгыл тылам аги* — 'так, таким образом отсюда [готова] вспорхнуть девушка' от глагола *тыламлангкве* — 'взлететь, вспорхнуть', что соответствует предназначению будущего девушки, которая после замужества должна будет «выпорхнуть» из родительского дома, как птичка из гнезда. Символом достижения данного возраста является разрешение на изготовление девушкой своего девичьего *тучанг'а* — 'кожаного мешочка' с соответствующим орнаментом и всевозможными украшениями, в основном для хранения швейных принадлежностей. Но до замужества главной принадлежностью этого мешочка будут две небольшие куколки (он и она), также изготовленные девушкой.

Тохтыглым пыг — 'подросший юноша' от слова *тохтыглы* — 'подрasti' и *пыг* — 'юноша'. Для того чтобы подчеркнуть необычное состояние юноши данного возраста, о нем говорят *тох тэлум пыг* от *тох* — 'так, таким образом', *тэлум* — 'появившийся, пробившийся, проросший' (например, как появившаяся из земли трава; пророс-

ший росток дерева и т.д.), *пыг* — ‘юноша’. «*Ман тэдум най хум, ман тэдум отыр хум!* — ‘Какой выросший герой, какой выросший богатырь’» [Мифы, сказки, предания манси (вогулов) 2005: 71–72], возможен и такой перевод: «Что за [необычно] появившийся герой (мужского пола), что за [необычно] появившийся богатырь (мужского пола)!», таким эпитетом обычно награждается уже подросток герой мансийских сказок и мифов. Под необычностью подразумевается, что перед нами не просто юноша (мужчина), а человек, обладающий некими (сакральными) знаниями, которые он приобрел в период обрядов посвящения. В этом возрасте юноши получают право жениться, но помимо обрядов посвящений они должны еще пройти (через испытание временной смертью и нового рождения) обряды инициации, после чего переходят в возрастную категорию взрослых, зрелых мужчин.

Тохтыглам хум — ‘повзрослевший [неженатый] мужчина’, *тохтыглам нэ* — ‘повзрослевшая [незамужняя] женщина’, так еще могут называть мужчин и женщин, которые уже в возрасте, но по каким-либо причинам так и не смогли обзавестись семьей.

3. Лэсмин аги — ‘девушка на выданье’, в этот период к ней приравниваются женихи. Если юноша, имея статус «подросткового», уже может жениться, то девушка еще проходит ряд переходных обрядов, где получает новое название, которое соответствует не степени посвящения в тайную (сакральную) жизнь коллектива, как это принято у юношей, а ее социально-возрастной категории. В следующем за *тохтыглым аги* возрасте девушка называется *лэсмин аги*. Термин *лэсмин* имеет несколько значений. Например, от слова *лэстан* — ‘оселок’, т.е. брусок для правки ножей, топоров. Или, например, от слова *лэсты* — ‘чинить’. Сакральное слово *лэстэн* соотносится с огнем в значении ‘поддерживать, подправить’, например *улял лэстэн, ул вос харыглы* — ‘огонь подправь, чтобы он не угас [окончательно]’. Если сгруппировать образные выражения с этим словом, то здесь предполагается, что имеется что-то нужное (необходимое), но оно может утратиться, если вовремя не починить, не выправить, не поддержать. В контексте возрастной терминологии этим словом выражается состояние категории девушек, хотя и «подростков», но еще не особо годных и требующих, чтобы их подготавливали (подправили). Слово *лэс* может составлять глагольную основу и в значении ‘собрать, подготовить’ (в дорогу, к свадьбе).

Другое значение слова *лэсмин* можно отнести к охотничьей терминологии, и тяготеет оно к еще более древним временам. Напри-

мер, от слов *лэс* — ‘силок, петля, ловушка’ и *минунгкве* — ‘идти, ехать’. О девушке этого возраста говорят: «*тохтыглым аги лэсмум* — ‘подростая девушка готова идти [попасться] в силок». Здесь девушка подразумевается уже в роли добычи. Выражение *катн паттыслум* — ‘в [мои] руки попалась’ буквально означает ‘добыл’. Так, в фольклорных текстах и в жизни, если речь идет о женитьбе, обычно говорится: «*нэ катн паттыслум*», что буквально означает ‘женщина в [мои] руки попалась (оказалась)’, но прежде, чем оказаться в чьих-то руках, девушка должна в «силок попасть».

Девушку на выданье или *хайталэгыт* — ‘сватают’ или *тулмантэгыт* — ‘крадут’. После того как девушка согласится на брак (или договорятся родители), ее называют *хайтталым аги* — ‘сватанная девушка’.

4. Сватанная девушка переходит в социально-возрастную категорию, именуемую *яныг аги* — ‘большая девушка’. В данном контексте термин «большая» имеет два значения. Первое указывает на возраст девушки — она уже не маленькая, а из разряда старших. Второе по отношению к младшим имеет более высокий статус, т.е. уже социально значимая, достойная, важная. С этого времени семья начинает процесс подготовки к свадьбе и приобщение девушки к роли взрослой женщины.

Свадебный обряд завершает цепочку предшествующих обрядов по переходу девочки из разряда слабых, неокрепших в социально-возрастную категорию взрослых женщин. Сразу после замужества ее называют *мань нэ* — ‘молодая женщина’, *мань* или *мань уп* — ‘сноха, невестка’.

После рождения ребенка молодую женщину называют *няврамынг нэ* — ‘ребенка имеющая женщина’. Рождение первого ребенка сразу же изменяет социальный статус женщины, роды представляются переходным обрядом не только для новорожденного, но и для роженицы.

Зрелость

1. *Хумыг уйыг* от слов *хум* — ‘мужчина’ и *уй* — ‘зверь’, буквальный перевод означает ‘мужчина, имеющий [силу] зверя’, — это следующая возрастная категория. О мужчине говорят: «*Хумыг уйыг емтум*», что означает ‘оформился, окреп, повзрослел, возмужал, то есть стал мужчиной’. «*Ань тай тав сар аюмкитум хунь, тав няврам хольт хунь, тав ётэ ёрэ хунь ёхты*. — Сейчас он не как прежде слабый неокрепший юноша, не как ребенок, [сейчас] его никакая сила

не возьмет (не победит)» [Сказки оленевода 2001: 34]. «*Ам хумыг уйыг эмтсум, эри алысьлангкве*. — Я стал мужчиной, [мне] пора охотиться» [Там же: 50]. Слово «зверь» усиливает значимость возраста — не слабый юноша, а взрослый мужчина, что в русском языке имеет эквивалент в значении «матерый, заматерелый». Сакральное название мужчин этого возраста — *вангнынг-консынгыг*, что буквально означает ‘плечистый–когтистый’. То есть юноши в ходе посвячительных обрядов овладевают сакральной силой не просто какого-то зверя, а силой главного символа манси — *Консынг ойка* — ‘когтистый мужчина’, так манси иносказательно называют медведя. В нужное время (на охоте или в битве) мужчины якобы могут воплотиться в него и показать его силу, и не только физическую, но и сакральную. Во время обучения они получают знания и умения (магическую силу), как управлять окружающим миром, в том числе и животными. Это дает им право быть включенными в определенную замкнутую корпорацию людей, хранящих тайные знания. Обычно все посвященные мужчины объединены в союз, и часто в его руках находится фактическая власть над племенем (общиной) [Тендрякова 1992: 30]. В фольклорных текстах они обычно выступают в роли братьев-охотников или воинов.

2. *Нэ котлен, хум котлен ёхтум экваг-ойкаг* — ‘средних лет достигшие женщина-мужчина’.

Нэ котлен ёхтум эква, буквальный перевод означает ‘до женской середины [жизни] дошедшая женщина’; *хум котлен ёхтум ойка* — ‘до мужской середины [жизни] дошедший мужчина’. Основная задача мужчин и женщин этого возраста — обеспечение, воспитание и обучение подрастающего поколения. В религиозной жизни коллектива они принимают активное участие, но являются пока еще или рядовыми участниками, или помощниками руководителей обрядов.

***Матум* — ‘старый (старики)’**

1. *Яныгпалаг эмтумыг экваг-ойкаг*, буквальный перевод названия данного возраста означает ‘большая часть [жизни] исполнившаяся [имеющие] женщина-мужчина’, что соответствует русскому выражению «пожилые женщина, мужчина». Женщины этого возраста являются исполнителями всех религиозных женских практик, а мужчины — мужских.

2. *Яныг хотпа* — ‘старшие жители’, общее название возрастной группы, так могут называть и мужчину, и женщину преклонного возраста. Буквальный перевод слова *яныг* — ‘большой’, в данном

случае оно имеет два значения. Первое — в значении ‘старший’, то, что действительно люди этой группы имеют самый большой возраст и опыт, они, как правило, в коллективе являются старейшинами. Второе — в значении ‘святой, сакральный’, т.е. знающие, ведающие. Под их руководством проводятся все священнодействия в обрядовой и ритуальной практике манси.

Любовь и уважение к этой группе людей проявляются и в фольклорных текстах. В героическом эпосе манси старейшин величают «седоголовыми старцами». Вождь находил опору в стариках своего города — тех, что уже не способны были защитить его в бою, но олицетворяли собой дух былых побед.

В контексте половозрастной терминологии интересно, что словообразовательная морфема (суффикс) *ма* имеется в лексемах *мань* — ‘маленький’, *маньлат* — ‘юный, молодой’ и *матум* — ‘старый (о человеке)’, т.е. в тех словах, что обозначают категорию людей, которые еще или уже не могут сами себя прокормить. Для сравнения можно привести примеры, где морфема *ма* является символом возможности прокормиться: *о-ма* — ‘мама’, буквально ‘эта кормящая’; *ма* — ‘мать-Земля’ в значении кормилица; *маг* — ‘мед’ — символ изобилия (в мифологии имеется устойчивое выражение: «накрыли стол с золотой едой, медовой едой, поели»), один из символов живой воды; *магыл* — ‘грудь’, живительный источник для вскармливания грудных детей.

Итак, половозрастная терминология — архаичный пласт лексики мансийского языка. Ее возникновение соотносится со временем, когда охота для манси была основным или единственным источником выживания, при помощи охотничьих терминов раскрывается суть и предназначенность половозрастных категорий (добыть, вспорхнуть, вылететь из гнезда, силок, матерый и т.д.). Многие представления возникли из наблюдений за окружающим миром (сравнения — яйцо, шишка, пробиться—вырасти как трава или дерево, прибавить еще одного детеныша к имеющимся как к косяку или стае и т.д.). В половозрастной терминологии отражены мифологическое время первотворения и зарождения первых, древних представлений семейной обрядности (переходные обряды — погребальный, рождения и инициации) и связь с представлениями о предках.

В представлениях манси понятие «возраст» более соотносится с понятием «время». Календарный год воспринимается как жизненный путь человека, который состоит из нескольких циклов, включающих «смерть» в одном качестве и «рождение» уже на другом уровне

и в новом качестве. Отождествление частей дня и времен года с возрастными человеческой жизни — одна из универсалий календаря, причем представление года как человека рождающегося, растущего, старящегося и умирающего относится к самым устойчивым. В мансийском языке само слово, обозначающее *олумхтлас* — ‘человек’, буквально восходит к *тэлум-хтлас* — ‘появился-исчез’, как появляются и исчезают солнце, луна, трава, листья, снег, и т.д. [Попова 2008: 12, 13].

Половозрастной принцип лежал в основе социальной организации, поскольку возраст и пол достаточно четко определяли место и роль индивида в производстве и общественной жизни, обуславливая общность конкретных задач каждой возрастной группы.

Библиография

- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
- Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е.И. Ромбандеева. Новосибирск, 2005. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26.) (На мансийск. и рус. яз.)
- Попова С.А. Традиционный мансийский праздник *Уринэква хотал* — Вороний день // Этнография народов Западной Сибири (к юбилею д.и.н., проф. Зои Петровны Соколовой): М., 2000. (Сибирский этнографический сборник. Вып. 10.) С. 212–222.
- Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск, 2003.
- Попова С.А. Терминология родства манси в свете их духовной культуры // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2006. Вып. № 1 (№ 52). Сер. «Гуманитарные науки (история, этнология)» / Науч. ред. Н.В. Лукина. Томск, 2006. С. 126–129.
- Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008.
- Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.
- Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993.
- Татт ос Сакв махум потраныл — мойтаныл* — Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы. Вып. 1: *Салы урнэ ойка мойтыт* — Сказки оленевода / Пер. с манс., составл., предисл., примеч. С.А. Поповой; отв. ред. Н.В. Лукина. Томск, 2001. (на мансийск. и рус. яз.).
- Тендрякова М.В. Мужские и женские возрастные инициации // ЭО. 1992. № 4. С. 29–41.
- Федорова Е.Г. Путь человека (по материалам этнографии манси) // Время и календарь в традиционной культуре: Тез. докл. Всерос. науч. конф. (Сер. «Мир культуры, истории и философии»). СПб., 1999. С. 169–172.
- Чернецов В.Н. Вогульские сказки. Л., 1935.